

6. Соболевский, А. И. Переводная литература Московской Руси / А. И. Соболевский. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1903. – 460 с.

7. Станкевич, Л. И. Рукописный сборник гадательно-астрологического содержания XVI в. («Аристотелевы врата, или Тайная Тайных») из фонда Национальной библиотеки Беларуси / Л. И. Станкевич // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. – 2007. – Вып. 9. – С. 94–127.

8. Historia astronomii w Polsce. T.1. / J. Dobrzycki, M. Markowski, T. Przyrkowski; red. E. Rybka. – Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk: wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, 1975. – 330 s.

Солодкин Я.Г.

**К ИСТОРИИ ТЕКСТА СИНОДИКА «ЕРМАКОВЫМ КАЗАКАМ»
(РЕДАКЦИИ 1620-х–1630-х гг.)***

Самым ранним из дошедших до нас памятников русской книжной культуры Сибири обычно считается синодик «ермаковым казакам» (далее – С) в редакции, обнаруженной и трижды опубликованной Е.К. Ромодановской [2, с. 53; 6, с. 359; 7, с. 533; 11, с. 20; 15, с. 15; 16, с. 4, 25, 54; 19, с. 84, 93; 20, с. 18; 24, с. 138, 141, 156; 25, с. 27, 37, 39, и др.]. Эта редакция, сохранившаяся в одной рукописи общего Чина православия, «отражает, по всей видимости, процесс <...> работы над окончательным вариантом службы» [12, с. 31].

Согласно найденной Е.К. Ромодановской редакции «помянника» атаманов и казаков (далее – С1), их «первой бой» с «агарянами» и татарами произошел «на берегу [Иртыша. – Я.С.] под Чювашею» 26 октября 1580 г., и тогда были убиты Окол, Иван Карчига, Богдан Брызга «с их дружиною». Следом, однако, читаем, что той же зимой, 5 декабря, эти ермаковцы погибли под Абалаком, направляясь «к рыбной ловле», когда «внезапу приидоша на них нечестивыя воинством». Накануне же сказано, что они в бою у Абалака 5 декабря убили Сергея, Ивана, Андрея и Тимофея «с их дружиною» [13, с. 380]. Поскольку в основу С, о чем известно благодаря Есиповской летописи (далее – ЕЛ), легло «написание» (далее – Н), составленное ветеранами «Сибирского взятия» по просьбе тобольского «первопрестольника» Киприана (вероятно, в 1621/22 г.), то допущенное в С1 противоречие о времени и месте гибели Окола, Ивана Карчиги, Богдана Брызги и их «товарства» свидетельствует о том, что сподвижники Ермака, к которым обратился архиепископ, являвшийся выходцем из Старой Руссы, запомнили, где и когда пали их соратники [6, с. 356; 16, с. 57, 191; 17, с. 18], видимо, никому из «дружины» есаула или пятидесятника Брызги не посчастливилось дожить до возникновения Софийского дома в «далечайшей государственной вотчине» [19, с. 85, и др.].

Но дублирование ряда названных имен в С, содержащем «схематический очерк главных моментов похода» за «Камень» [1, с. 20], можно объяснить и иначе.

Два сообщения о погибших у Абалака ермаковцах, быть может, попали в С1 из Н, где они тоже оказались не вполне согласованы друг с другом. Про Окола, Ивана Карчигу и Богдана Брызгу «с их дружиною» сказано, что они подверглись внезапному нападению в то время, когда шли рыбачить, о чем относительно Сергея, Ивана, Андрея и Тимофея умалчивается. Последнее, не исключено, как думалось Р.Г. Скрынникову, были убиты в бою с отрядом ханского племянника султана Маметкула, которому Ермак сумел быстро отомстить за гибель своих соратников у Абалацкого озера. Е.И. Дергачева-Скоп, вначале считавшая Н краткой «скаской» о походе «православных воев» в «Кучумово царство» с перечнем павших тогда атаманов и казаков, затем приняла его за «обычные поминальные записи, подаваемые оставшимися в живых, с указанием места боя и имен погибших; <...> на Абалацкий бой было подано две записки и дьяк, не разобравшись, вписал обе» [3, с. 88; 10, с. 48–49]. Последняя оценка вызвала сомнения у Е.К. Ромодановской, ибо в аналогичных случаях речь шла о синодике или «помяннике», а употребленный в ЕЛ термин «написание» Е.И. Дергачевой-Скоп «никак не объяснен» [6, с. 369; ср.: 22, с. 385]. Ее точка зрения противоречит и свидетельство Саввы Есипова о том, что «казаки <...> принесоша к нему [архиепископу. – Я.С.] написание», сообщающее, между прочим, о том, «како [Ермак с «товарищи». – Я.С.] приидоша в Сибирь» [13, с. 70]. Дублирование записей в С1 не подтверждает вывод о сильном сокращении Н при создании «помянника» [21, с. 117] и не говорит о том, что из сотен имен своих «товарищей», которые сумели вспомнить ветераны прославленной экспедиции, «архиепископлъ» дьяк (им, кстати, являлся брат Киприа-

* Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

на Иван Максимов [8, с. 330]) механически выбрал тридцать семь [5, с. 137]. Как полагал В.Г. Мирзоев, эта «скаска» была выдержана в манере землепроходцев [9, с. 109, 116]. Но те в первую очередь обращали внимание на описание новых «улусов» и численность их жителей, которых затем следовало обложить ясаком.

Любопытно, что в одном кратком «помяннике» (далее – С2), скопированном по заказу Г.Ф. Миллера, в отличие от С1 не говорится о «подчювашской брани», а Окул, Иван Карчига, Богдан Брязга, Сергей, Иван, Андрей и Тимофей названы павшими на Абалацком озере; о Брязге (Брюзге) про это сообщается и в Погодинском летописце (далее – ПЛ) [12, с. 16; 13, с. 78, 132]. В С2 перечислены и сподвижники «ратоборного» атамана, которые «ходиша и городки имаша», но какие, не поясняется, и вначале назван Ермак, причем о месте его гибели наряду с семью соратниками умалчивается. В С1, кстати, в данной связи говорится про шесть казаков. Все это ставит под сомнение заключение, будто С2, где нет хронологических определений, вторичен сравнительно с С1 [16, с. 65]. Возможно, в Н Окол (Окул), Иван Карчига, Богдан Брязга, Сергей, Иван, Андрей и Тимофей значились павшими у Абалака – и отправившимися рыбачить, и сражавшимися с «воями» Маметкула. Не располагавший сведениями о погибших в решающем сражении на подступах к Кашлыку (Искеру), составитель С1, быть может, сделал трех первых из указанных ермаковцев участниками этого сражения, которое, по сведениям С.У. Ремезова, унесло жизни ста семи русских [18, с. 353, 444]. Эта цифра скорее всего фантастична, как и большинство других, приводимых «изографом» петровской эпохи [ср.: 16, с. 202], но едва ли из боя «под Чювашею у засеки» казачья «дружина» вышла без потерь. По словам Есипова (впрочем, в очередной раз прибегавшего к Хронографу Русскому), там «бысть сеча зла, за руки емлюще сечахуся» [6, с. 365–366; 13, с. 53–54, ср. с. 131]. В Строгановской летописи прямо сообщается о том, что в «брани велией» «под Чювашею» пало немало русских [18, с. 23, 24, 69; ср.: 13, с. 122]. Как утверждается в С1, там они дали «первой бой» «кучюмлянам», что опровергается ЕЛ и ПЛ [13, с. 52, 130]. Этот бой в С1 приурочен к 26 октября; в «помяннике» же, который Есипов «написах к своему исправлению» (едва ли, стало быть, его отредактировав, как находит Е.К. Ромодановская [14, с. 49, примеч. 5; 16, с. 361, и др.], тем более версии гибели Ермака в С1, С3, да и ЕЛ заметно различаются) – своеобразном приложении к летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде», сражение, решившее участь ханской столицы, отнесено к 23 октября, как и в ЕЛ, где, по наблюдению Р.Г. Скрынникова, однако, не сказано, где «единомысленная дружина» провела последующие две ночи. Уже расхождение в датировке сражения близ Кашлыка в С1 и ЕЛ заставляет отказаться от представления, будто автор владычной летописи «неуклонно следовал» «помяннику» [4, с. 75]. Имеющееся в С1 указание (его достоверность обычно не оспаривается) на время боя «под Чювашею» Р.Г. Скрынников приписывает ветеранам знаменитой экспедиции, которые запомнили и то, что в тот же день вступили в «град Сибирь» [20, с. 153, 216, 217]. Однако в С1, где, как и в последующих редакциях «помянника», перечислены «убиенные» «противными», нет упоминания о занятии ермаковцами Искера. Обе датировки боя, исход которого предопределил падение Кашлыка, имеют символический смысл (они приходятся на дни памяти апостола Иакова и святого Димитрия Солунского) [23, с. 212, и др.] и, вероятно, принадлежат создателям С1 и С3. Возможно, первый из них (что повторил Есипов), опять-таки намеренно, отнес и события у Абалака к 5 декабря, т. е. кануну праздника в честь Николая Мирликийского (Николы Чудотворца).

Наличие трех редакций С, между прочим, не позволяет присоединиться к заключению, что это сочинение не получило «какого-либо распространения» [6, с. 356].

Итак, из трех ранних редакций «помянника», ставшего начальным звеном сибирской летописной традиции, С1 и, возможно, С2 непосредственно восходят к Н, а С3, созданный, думается, без участия Есипова, обнаруживает зависимость от С1, хотя порой от него явно отличается.

1. Бахрушин, С. В. Научные труды / С. В. Бахрушин. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3. – Ч. 1. – 376 с.
2. Дворецкая, Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.) / Н. А. Дворецкая. – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1984. – 136 с.
3. Дергачева-Скоп, Е. И. Генеалогия сибирского летописания : концепция, материалы / Е. И. Дергачева-Скоп. – Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2000. – 90 с.
4. Евсеев, В. Н. Специфика изображения казачьей дружины в Есиповской летописи / В. Н. Евсеев // Казачество Сибири от Ермака до наших дней : история, язык, культура : мат-лы Всерос. научно-практ. конф. – Тюмень : Экспресс, 2010. – С. 65–75.
5. Копылов, Д. И. Ермак / Д. И. Копылов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. – 239 с.
6. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / изд. подг. Е. К. Ромодановская и О. Д. Журавель. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. – 439 с. – (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10).

7. Матвеев, А. В поисках Ермаковой перекопи / А. Матвеев // *Тобольск и вся Сибирь : альманах*. – Тобольск : Обществ. благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012. – № 18 : 425 лет Тобольску. – С. 526–545.
8. Миллер, Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – М. : Изд. фирма «Восточная литература», 2000. – Т. 2. – 796 с.
9. Мирзоев, В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века / В. Г. Мирзоев. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 187 с.
10. Очерки русской литературы Сибири : в 2-х т. – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1982. – Т. 1. – 606 с.
11. Покровский, Н. Н. Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири в 1965–1983 гг. / Н. Н. Покровский // *Археографический ежегодник за 1984 год*. – М. : Наука, 1986. – С. 13–25.
12. Покровский, Н. Н. Предисловие / Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская // *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ). – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – С. 3–31.
13. ПСРЛ. – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
14. Ромодановская, Е. Тобольские летописцы / Е. Ромодановская // *Родина*. – 2004. – Спец. вып. : Тобольск – живая былина. – С. 45–49.
15. Ромодановская, Е. К. Проблемы изучения сибирского летописания / Е. К. Ромодановская // *Сибирь в прошлом, настоящем и будущем : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф.* – Новосибирск : б. и., 1982. – Вып. 1. – С. 14–16.
16. Ромодановская, Е. К. Сибирь и литература: XVII век / Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 2001. – 391 с.
17. Ромодановская, Е. К. Синодик ермаковым казакам (предварительное сообщение) / Е. К. Ромодановская // *Изв. Сибир. отделения АН СССР. – Сер. обществ. наук.* – 1970. – № 11. – Вып. 3. – С. 14–21.
18. Сибирские летописи : Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 10 : XXXI ; 1 ; 645 с.
19. Скрынников, Р. Г. Ранние сибирские летописи / Р. Г. Скрынников // *История СССР*. – 1979. – № 4. – С. 82–99.
20. Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака / Р. Г. Скрынников. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск : Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1986. – 318 с.
21. Со времен князя Самара : В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 182 с.
22. Солодкин, Я. Г. Еще раз о том, как создавался синодик «ермаковым казакам» / Я. Г. Солодкин // *П Ремезовские чтения: Провинция в русской культуре*. – Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2008. – С. 381–387.
23. Солодкин, Я. Г. «Зауральская эпопея» Ермака: несколько спорных вопросов / Я. Г. Солодкин // *Северный регион : наука, образование, культура*. – 2012. – № 1-2. – С. 211–217.
24. Шашков, А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания / А. Т. Шашков // *Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу*. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1996. – С. 116–161.
25. Яковлева, А. М. Схемы сибирского летописания первой половины XVII в. в отечественной историографии 1920–90-х гг. / А. М. Яковлева // *Проблемы истории Сибири XVI – XX веков*. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. пед. ин-та, 2005. – Вып. 1. – С. 25–44.

Кобринец В.А.

РУССКИЕ МОНЕТЫ В ОПЕРАЦИЯХ КРЕДИТА НА РЫНКАХ МОГИЛЕВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В XVII в. белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского, которое было объединено с Польским королевством в федерацию – Речь Посполитую. В их денежном обращении участвовали монеты разных стран Европы, в том числе и России. В первой половине XVII в. основным монетным номиналом последней была высокопробная серебряная «проволочная» копейка. Ее фракции в 1/2 (денга) и 1/4 (полушка) были малочисленны и среди находок на территории Беларуси представлены незначительно. В первой половине XVII в. одним из источников поступления копеек на рынки белорусских земель являлись торговые контакты с Русским царством. Еще с конца XVI в. главную роль в них отыгрывали могилевские купцы.

Целью данной публикации является рассмотреть место русских монет в долговых операциях на рынках Могилева в первой половине XVII в. Задачи работы: 1) ввод в научный оборот новых, ранее не использовавшихся письменных источников; 2) систематизация доступных данных актовых книг Могилевского магистрата о «деньгах Московских»; 3) анализ роли монет Русского царства в кредитных операциях на рынках восточной Беларуси.

В работах как по нумизматике Беларуси, так по ее экономической истории продолжает оставаться недостаточно разработанной тема применения русских монет в кредитных операциях на рынках белорусских земель первой половины XVII в. Во многом сложившееся положение обусловлено предметом исследования. Среди вещественных памятников денежного обращения и в письменных свидетельствах о них в первой половине XVII в. русские монеты были представлены более чем скромно [60, с. 123; 7, с. 184–185, 198–199]. В работах по экономической истории Беларуси применение денег Русского царства в долговых отношениях на белорусских рынках незначительно принималось к рассмотрению. В наиболее обстоятельной работе по экономической жизни Могилева, одного из крупных городских центров Великого княжества Литовского XVI – середины XVII в., участие русских монет в кредите было проиллюстрировано в